

Ф р а н к
Я к о б

РУССКО- ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА ХОД ИСТОРИИ В XX ВЕКЕ

Современная
западная русистика

История

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Франк Якоб

**Русско-японская война и ее
влияние на ход истории в XX веке**

«Библиороссика»

2018

УДК 94(47+57).083.4
ББК 63.3(0)53

Якоб Ф.

Русско-японская война и ее влияние на ход истории в XX веке /
Ф. Якоб — «Библиороссика», 2018 — («Современная западная
русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-907532-14-4

Война России с Японией стала одним из самых громких событий fin de siècle, рубежом, с которого начался настоящий, а не календарный XX век. В книге исследователя Франка Якоба «Русско-японская война и ее влияние на ход истории в XX веке» небольшой, казалось бы, региональный конфликт на Дальнем Востоке предстает эдаким взмахом крыла бабочки, который повлиял на весь глобальный мир и открыл прямую дорогу к Сараево и ко всем последующим потрясениям столетия. Военное дело, экономика, культура, революции и контрреволюции: как убедительно показывает Якоб, ниточки от «нулевой мировой войны» протянулись повсюду. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47+57).083.4
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-907532-14-4

© Якоб Ф., 2018
© Библиороссика, 2018

Содержание

1. Введение	6
2. Русско-японская война на суше и на море	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Франк Якоб
Русско-японская война и ее
влияние на ход истории в XX веке

Frank Jakob

The Russo-Japanese War and its Shaping of the Twentieth Century

Routledge, London / New York 2018

Перевод с английского Марии Черенцевой

© Frank Jakob, text, 2018

© Authorised translation from the English language edition published by Routledge, a member of the Taylor & Francis Group

© М. В. Черенцева, перевод с английского, 2022 © Academic Studies Press, 2022

© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2022

1. Введение

Русско-японская война теперь дает всем осознание того, что даже вопросы войны и мира в Европе <...> решаются не в четырех стенах Европейского концерта, а за его пределами, в гигантском водовороте мировой и колониальной политики.

Роза Люксембург, 1 мая 1904 года¹

Русско-японская война – это поворотный момент в мировой истории, событие, в значительной степени определившее глобальные изменения в XX веке [Kowner 2007a: 4]. Она положила путь войнам и революциям, определившим впоследствии судьбу миллиардов людей. Впрочем, у войны между Россией и Японией много названий: «военная экспансия» [Nish 20056: 12], «борьба за Восточную Азию» [Hildebrand 2005:28] и даже «нулевая мировая война»². Как выразился Джон У Стайнберг, определенно это была не «короткая империалистическая война» [Steinberg 2008:3], а военный конфликт, возникший под влиянием глобальных финансовых и политических интересов. Хотя она представляла собой, согласно Ротему Ковнеру, «давно ожидаемую вспышку враждебности между двумя растущими державами» [Kowner 2007a: I]³, война оказала влияние не только на Японию и Россию [Thorson 1944: 305]. Несмотря на то что война в Маньчжурии, где произошла большая часть сражений⁴, значительно повлияла на Японскую и Российскую империи, события 1904–1905 годов отразились также на Восточной Азии, Европе и США, хотя это не всегда было заметно сразу.

В то время международная общественность интересовалась судьбой японских и российских солдат, что делало войну публичным событием, которое описывалось и обсуждалось в огромном числе газет по всему миру [Kowner 2007a: 2; Thorson 1944: 306]. То обстоятельство, что Япония оказалась способна побороть могущественного «русского медведя», превратило локальное восточноазиатское событие в стимул к переменам во всей мировой истории. Первая победа азиатской державы против «современной» западной армии была воспринята с одобрением, особенно в колониальной Азии и на Ближнем Востоке. Однако на события на полях Маньчжурии и их политические последствия обратили внимание не только в угнетенных обществах. Западная аудитория с нетерпением ждала новой информации о библейской битве между японским Давидом и русским Голиафом [Schim-melpenninck van der Oye 2008a: 82; Shimazu 2008: 34]. Было напечатано и продано большое количество статей журналистов, рассказов очевидцев и научных работ на тему России и Японии, массово появлялись карикатуры о национальных стереотипах, таких как военная пропаганда обеих сторон. Известен случай, когда немецкий предприниматель даже попытался использовать «военный бум» для увеличения продаж почтовых открыток⁵.

¹ URL: <http://www.marxists.org/archive/luxemburg/1904/05/01.htm> (дата обращения: 28.10.2021).

² Хотя термина «нулевая мировая война» придерживались многие историки (см. [Steinberg et al. 2005]), Ротем Ковнер не согласился с его использованием. Обе точки зрения см. в [Steinberg 2008: 2]. См. также [Kowner 2007a: 4]. Японский историк Куробане Сигеру указывал на глобальное влияние и взаимосвязи задолго до начала дискуссии на Западе (см. [Shigeru 1960]).

³ Похожие мысли встречаются в другой работе Ковнера. См. [Kowner 2001:20].

⁴ Несмотря на то что может показаться, будто война была ограничена одним регионом, долгий поход Второй Тихоокеанской эскадры из Балтийского моря в Восточную Азию открыл глобальные перспективы для военных кампаний. См. [Nish 20056: 11]. В связи со столетием окончания войны японский историк Ямамура Синъити вновь обратил внимание на ее глобальные аспекты [Yamatuna 2005]. Самое свежее, обширное и ценное исследование на японском языке – работа Вады Харуки [Wada 2009–2010].

⁵ Адольф Энгель начальнику адмиральского штаба ВМС вице-адмиралу Бюхзелю, Берлин, 15 августа 1904 года. BArch MArch RM 5/5777. См. также [Shimazu 2008: 34; Wolff 2008a: 73].

Поток работ на тему Русско-японской войны продолжился⁶ и в послевоенные годы, когда ее официальная история была опубликована на нескольких языках⁷. Официальные публикации разных государств дополнялись бесчисленными свидетельствами военных наблюдателей, поскольку почти каждая великая держава отправляла наблюдателей на поля сражений Маньчжурии – ведь «противостояние могло представлять особый интерес» [Hitsman, Morton 1970: 82]. Интерес состоял в том, чтобы посмотреть, как модернизированная японская армия будет действовать при встрече с «настоящим врагом»; кроме того, на войне можно было увидеть применение новых тактик и видов вооружения. В частности, британские военные надеялись вблизи изучить современные методы ведения войны, отправив для этого наблюдателей к своим японским союзникам в Восточную Азию [Towle 1998: 19]⁸. Один британский офицер отметил, что «вооруженное противостояние двух государств необходимо оценивать по его политическим, расовым и военным результатам как настоящую историческую веху, даже новый водораздел, меняющий направление рек и потоков международной жизни» [A British Officer 1911: 509], а военный обозреватель «Таймс» высказал следующее мнение:

Ни одна другая военная кампания на памяти нашего поколения не представляла собой для британцев такого широкого и богатого поля для изучения, как Русско-японская война 1904–1905 годов. Впервые за столетия мы наблюдаем схватку между островной империей и континентальной мировой державой. Впервые в условиях настоящей войны была испытана новая техника, которой с развитием науки был оснащен весь мировой флот. Практически впервые в мировой истории мы наблюдали, как под отличным руководством армия и флот смогли прийти к тесному и крепкому сотрудничеству, чтобы общими усилиями навязать свою волю врагу [Military Correspondent 1905: 1].

В Британии победа японцев вызвала «абсолютную эйфорию» [Towle 1998: 19], потому что японские солдаты победили главного врага британских интересов в Центральной Азии⁹.

Несмотря на широкий интерес общества и правительства к Русско-японской войне, спустя десятилетие начнется другая война, которая заслонит собой все: Первая мировая¹⁰. Эта «эпохальная катастрофа» [Kennan 1979: 3] затмила события, происходившие во время войны в Восточной Азии – войны, которая велась «культурно разными» державами, а потому не осталась в коллективной памяти Европы [Kowner 2007a: 3; Kusber 1994: 220]. Эта война превратилась в далекий «небольшой эпизод» [Cohen 2010: 388] мировой истории, и такая отдаленность стерла память о ней. В Японии же Русско-японская война остается важной частью национальной истории: регулярно публикуется множество исследований¹¹ об этой войне и ее отдельных аспектах¹². Напротив, редкими остаются публикации на западных языках¹³. Значение войны

⁶ См. [A British Officer 1911; Miller 1904; Bird 1909; Negrier 1906] – вот только несколько примеров.

⁷ См. [Хейден и др. 1907–1918; Военно-историческая комиссия 1910–1913].

⁸ Далее автор написал о важности понимания перспектив британской армии: «Если британскую армию может задержать в бухте группа бургских фермеров, тогда она в большой беде и ей необходимы значительные улучшения перед встречей с европейским врагом» [Towle 1998: 20].

⁹ О «Большой игре» России и Великобритании на этой территории см. [Сергеев 2016].

¹⁰ Для Японии Русско-японская война осталась важным событием, и о ней регулярно вспоминали, особенно в 1930-е годы, как о предмете национальной гордости. См. Различные документы о выставках в Японии: Т. 1/23. Выставка, приуроченная к 30-летию победы в Русско-японской войне, мемориал в Юсюкане в Ясукуни, 27 января 1935 года. Дипломатические архивы Министерства иностранных дел, B04012288800; Различные документы о выставках в Японии: Т. 1/13. Выставка, приуроченная к 30-летию победы в Русско-японской войне при поддержке Ёмиури Симбуна, 15 мая 1935 года. Дипломатические архивы Министерства иностранных дел, B04012287800.

¹¹ См. [Higashi 2008; Numata 2004; Tsuchiya 2012; Yomiura 2005]. Кроме указанных новых публикаций, которые появляются редко, существуют отличные более ранние исследования. См., например, [Shimomura 1966].

¹² См. [Hoga 2015; Matsuo 2015; Muraoka 2014] – вот только несколько примеров.

для некоторых стран, в частности для Германии, исследовано недостаточно¹⁴, и ситуация не изменилась даже после столетней годовщины ее окончания, вызвавшей «новую волну исследований Русско-японской войны» [Steinberg 2008: 1]. На различных международных конференциях подчеркивалась значимость Русско-японской войны для мировой истории [Howland 2011: 53; Kato 2007: 95–96], а авторы многочисленных публикаций пытались обратить внимание на необходимость международного подхода ко многим нерешенным вопросам, касающимся этого конфликта¹⁵. Русско-японская война была первой «войной технологий» в XX веке и поэтому позволяла осознать глубину перемен, которые повлечет за собой новый способ ведения войны. Она состояла из крупных сражений, и, как утверждал Тадаёси Сакураи, «осада Порт-Артура одно из самых кровопролитных дел в истории войн вообще» [Сакураи 1909: 42]. Его капитуляция «составит эпоху во всемирной истории. Но надо помнить, что такой результат был достигнут потоками крови», так как «выросли горы из японских тел и потекли реки их крови!» [Сакураи 1909: 38]. Эти образы являлись предвестниками будущих крупных сражений и позиционной войны в Первую мировую войну [Hitsman, Morton 1970: 83]¹⁶. Представленные ниже военные потери японской стороны демонстрируют возросшее число ранений и смертей:

Потери японской стороны:

Убитые в бою 47 387

Умершие от ран 11 500

Раненые, но выздоровевшие 161 925

Итого убитых и раненых 220 812¹⁷

То, что в политическом отношении напоминало классическую кабинетную войну, уже позволяло представить резню, в которой погрязнет Европа десятилетие спустя [Hildebrand 2005: 34]. На поле бое воцарилось новое оружие, не оставившее места героизму атак кавалерии с саблей наголо [Towle 19806: 25]. Теперь победу стали определять «бездымный порох, пулеметы, полевая артиллерия для стрельбы с закрытых позиций» [Hitsmann 1970: 82].

Сакураи описывает новые смертоносные технологии в ужасающих подробностях:

Кроме того, мы нашли несколько брошенных подбитых пулеметов, которые были предметом нашей искренней ненависти. Широкая металлическая пластина служит щитом, за которым можно прицелиться и спустить курок, двигая пулемет то вверх, то вниз, то влево, то вправо. Из него также можно стрелять градом пуль, как будто поливаешь дорожку из шланга. Можно покрывать малые и больше территории, стрелять ближе или дальше по желанию стрелка. <...>

Русские пользовались им очень умело. Они подпускали наших солдат на дистанцию 4–5 сажень и в ту минуту, когда мы уже готовы были кричать громкое «банзай», они вдруг пускали в ход это ненавистное орудие, которое

¹³ См. [Shimazu 2009] – один из лучших примеров. Также см. исследование [Warner, Warner 2004], остающееся одним из лучших на сегодняшний день. Для краткого введения в тему также подходит [Jukes 2002].

¹⁴ Кусбер и Зелигман [Kusber 1994: 217; Seligmann 2007: 109–123] стремились описать значение для Германии Русско-японской войны, однако отдельной монографии на эту тему не было. В работе [Ito 2014] приведен анализ позиции и дипломатии Бюлова во время войны, однако это лишь первая попытка подчеркнуть влияние Русско-японской войны на Германию.

¹⁵ См. [Yomiuri 2005; Gunjishi Gakkai 2004–2005; Nakanishi, Naraoka 2005; Yokote 2005]. По случаю столетия окончания войны несколько томов были также изданы на европейских языках. См. [Kreiner 2005a; Sprotte et al. 2007; Inaba, Saaler 2005; Steinberg 20056; Kowner 20076].

¹⁶ Также это справедливо для ранений, полученных при обстрелах артиллерией, и пулевых ранений. См. [Suzuki 1905: 1127–1128].

¹⁷ Данные из [Japanese Losses 1906].

сметало целые ряды, нагромождая груды трупов [Сакураи 1909: 141–142; Sakurai 1907:41].

После таких сцен японцы находили солдат, имевших на теле более 70 ран [Сакураи 1909: 142]. Люди, внимательно наблюдавшие за происходившими событиями, уже понимали, что приемы ведения войны изменились навсегда. Сражения превратились в настоящие кампании, например Мукденское сражение, в котором участвовало 600 000 человек и которое длилось 18 дней. Даже если сторонники войны придерживались мнения, что сражения несут в себе справедливость и героизм, бесчисленные тела неизвестных солдат, остававшиеся на полях сражений, могли бы их переубедить.

Когда Ковнер утверждает, что «изучение влияния войн кажется не более чем интеллектуальным упражнением» [Kowner 2007a: 4], он хочет подчеркнуть, что предметом большинства исследований ведения войн являются сражения, тактика и вооружение, а не влияние войны как таковое. Однако также он объясняет, что Русско-японская война с ее многочисленными последствиями заслуживает детального изучения, поскольку она изменила историю не только Японии и Азии, но и России, Франции, Великобритании, США и Германии [Kowner 2007a: 5]. Эти «глобальные последствия», как их называет Томас Г. Отте [Otte 2007: 91], представляют большой интерес, и их необходимо учитывать при определении значения Русско-японской войны.

В исторических исследованиях подчеркивается, что эта война является водоразделом в истории Японии, даже, согласно Питеру Дуусу, «отправной точкой» японского империализма¹⁸. Для Японии победа в войне означала обретение влияния в Восточной Азии, в то время как для России единственной ее целью было поддержание образа великой державы. Успешная модернизация Японии в течение нескольких предшествующих десятилетий должна была увенчаться экспансией за рубеж. Восстановив государственный суверенитет в 1894 году, японский император стремился вернуть для Японии статус великой державы, а также создать буферную зону в Корее [Howland 2011: 54; Kowner 2001: 19; Lensen 1962: 337]. Мэри Вилгус отметила иронию положения Японии в Восточной Азии, написав следующее: «Об отношении к войнам в мире красноречиво говорит тот факт, что длившаяся менее года победоносная война сделала для Японии то, чего не смогли сделать четверть века успешной мирной жизни, – подняла ее до положения признанной мировой державы» [Wolff 2008a: 440]. Япония победила в войне и утвердилась в статусе мировой державы, сопоставимой в военном отношении с западными. Однако ее солдаты все еще казались странными и экзотичными, а европейские наблюдатели за 18 месяцев войны в Маньчжурии создали и распространили «некоторые наиболее устойчивые мифы о Японии и представления о ней» [Lone 1998: 7].

Хотя Япония победила Китай в войне 1894–1895 годов, западные державы не верили, что японские армия и флот способны одержать в серьезной войне победу над Россией [Lensen 1966: 245]. Однако Япония не только начала (а затем и объявила¹⁹) войну и показала отличные навыки планирования мобилизации [Nish 20056: 13; Treves 1904: 1396], но и побеждала в одном сражении за другим. Эти победы опровергали представление о превосходстве Запада, в результате чего в Европе и Северной Америке стала активно обсуждаться «желтая опас-

¹⁸ См. [Edstrom 1989: 8–9; Iriye 1989: 768; Otte 2007; Duus 2007; Duus 1983: 154]. Схожую с Дуусом оценку дал Накаяма Дзиити. См. [Nakayama 1957]. См. также [Kowner 2007 г: 43].

¹⁹ Япония объявила России войну 10 февраля 1904 года, подчеркнув, что она вынуждена пойти на этот шаг: «Гарантии нашего будущего, которые мы не смогли получить путем мирных переговоров, мы получим теперь, только применив оружие. Мы искренне желаем, чтобы верностью и храбростью наших подданных мир был установлен навечно, а слава нашей империи защищена». Императорский указ об объявлении войны России. Национальный архив Японии. URL: https://www.jacar.go.jp/english/nichiro/sensen_syousyo_05.htm (дата обращения: 16.10.2021).

ность» [Hildebrand 2005: 36]²⁰. Немецкий поборник колониализма и писатель Карл Петерс (1856–1918)²¹ пришел к следующим выводам:

Каким бы ни был результат кровавой игры в кости в Восточной Азии, кое-что ясно уже сегодня. А именно то, что белая раса столкнулась по крайней мере с одним достойным противником на земле.

<...> Японцы доказали, что они равны бравым нациям индоарийской расы в храбрости, дисциплине и организации. Весь мир с живым интересом наблюдает этот неожиданный феномен. Это так же удивительно для Европы, как если бы Пруссия Фридриха Великого вдруг стала завоевывать себе место среди сильнейших стран этого мира [Peters 1944: 345–346].

Удивлялись успехам Японии не только на Западе. В Азии ее победы привели к возникновению «новых сил в мировой истории» [Sareen 2007: 239]. Япония как модель успеха для Юго-Восточной Азии стимулировала развитие национализма в Индии [Laffan 2007: 220–221]. Если политическое влияние Китая за XIX век заметно ослабло, то Япония после окончания Русско-японской войны приблизилась к статусу великой державы и консолидировала вокруг себя российские сферы влияния в Восточной Азии [Roxby 1920: 142], что сделало азиатское островное государство «звездой Азии».

Мы находим многочисленные примеры влияния Русско-японской войны на политическую, социальную, экономическую и культурную сферы, позволяющие лучше понять последствия таких глобальных событий, даже если на первый взгляд они кажутся периферийными [Bartlett 2008: 9]. Я уже ранее исследовал вопрос о прекращении существования национальной историографии [Jacob 2014a] и в настоящем исследовании продемонстрирую, что Русско-японская война определила историю не только Восточной Азии, но и всего мира в XX веке. Эта война стала водоразделом не только для Японии, но и для России, дальневосточная политика которой после событий 1904–1905 годов переориентировалась на Балканы [Chang 1974: 321]. Русско-японская война не только обрушила мировой геостратегический баланс, но также показала военную и политическую слабость России. Эта война не стала неожиданностью для всего мира – немецкие газеты отправили военных корреспондентов в Восточную Азию за три недели до ее начала²², – но население и правительство России были удивлены ее внезапным началом, даже несмотря на то, что Япония прекратила дипломатические отношения с Российской империей [Bartlett 2008: 8; Nish 2005: 13]²³. Рядовых россиян не интересовала такая далекая война, а новости о все новых поражениях в Восточной Азии разжигали революционные настроения. В 1909 году У. Д. Бёрд с легкостью объяснил взаимосвязь между успехом Японии и разладом в России:

Великая северная держава заплатила соответствующую цену за неподготовленность, плохую организацию и неверное распределение сил. Она потеряла инициативу, была вынуждена подстраиваться под операции врага и отправить на линию фронта по прибытии на театр военных действий разрозненные подразделения, между которыми не было налажено

²⁰ О понятии «желтой опасности» см. [Linhart 2005; Wei Tchen, Yeats 2014; Thompson 1978; Wu 1982].

²¹ О Петерсе см. [Perras 2004].

²² Статс-секретарь военно-морского ведомства Германии фон Тирпиц начальнику адмиральского штаба ВМС Бюхзелю, Берлин, 18 января 1904 года. BArch MArch, RM 5/5777.

²³ См. также: Телеграмма, предписывающая доставить официальную ноту о разрыве дипломатических отношений, 5 февраля 1904 года, от министра иностранных дел Комура министру Курино в России, официальная телеграмма № 54 // Дипломатический архив, Министерство иностранных дел. URL: https://www.jacar.go.jp/english/nichiro/komura_telegram_txt.htm (дата обращения: 16.10.2021). Теодор Рузвельт также выразил непонимание, почему Россию удивила атака Японии. В письме Уайтлоу Райду от 11 февраля 1904 года он писал: «Я не могу понять, почему Россию поймали врасплох после четырех лет агрессии или даже больше».

взаимодействие. Как всегда происходит в таких обстоятельствах, советы были противоречивы, планы быстро составлялись и быстро забрасывались, генералы не доверяли ни друг другу, ни подчиненным, а войска, разделив это чувство, перестали доверять своему начальству [Bird 1909:64].

Японцы также пытались усилить это чувство недоверия и разногласия внутри русского общества, в частности через меньшинства, жившие в границах многонациональной царистской автократии. Японский военный атташе Акаси Мотодзиро (1864–1919) в начале войны был переведен из Санкт-Петербурга в Стокгольм, откуда поддерживал восстания в Российской империи [Hildebrand 2005: 43]. Его действия служат свидетельством взаимосвязи между Русско-японской войной и революцией в России, что является одним из аспектов влияния этой войны на мир.

Имперские амбиции США также возросли под влиянием исхода войны. Американский президент Теодор Рузвельт (1858–1919) признал опасность Японии как одного из соперников США в связи с ее интересами на Дальнем Востоке [Esthus 1966: 38–41]. Азиатско-Тихоокеанский регион оказался местом конфликта интересов Японии и США. Антагонизм двух быстро растущих государств стал очевиден после подписания Портсмутского мирного договора, ставшего лишь «поворотной точкой в японоамериканских отношениях» [Esthus 1966: 3], но, как утверждали многие, проложившего путь к Перл-Харбору [Steinberg 2008: 5–6; Togo 2008: 158]. Если США боялись нового соперника в колониальной сфере в Восточной Азии, то Великобритания радовалась победе Японии, положившей конец российской угрозе в Азии:

Последние 50 лет Россия наводила ужас на наших политиков и была ночным кошмаром Индии. Она навязывалась нам, она навязывалась всей Европе, угрожая своим весом. Ее неуклонное, незаметное продвижение через широкий континент Азии напоминало поступательный ход судьбы, а численность ее населения и ее размеры и общая недоступность территории для удара врага поражали воображение и господствовали над разумом правителей и жителей других стран [Military Correspondent 1905: 2].

Российская армия перестала наводить ужас, а победа Японии в морских сражениях, особенно Цусимском, «самом значимом морском сражении после Трафальгарского» [Kowper 2007a: 13], придала британцам уверенности в себе, в частности потому, что эти победы были одержаны на кораблях, построенных на британских верфях. Под влиянием исхода войны в Великобритании также возникла дискуссия о будущем военных кораблей, в которой у перового морского лорд-адмирала сэра Джона Фишера (1841–1920) появились необходимые аргументы для внедрения своих дредноутов [Towle 1998: 24–25]. Фактически именно позиция Великобритании в качестве союзника Японии сделала эту войну возможной, поскольку англо-японский союзный договор 1902 года удержал другие державы от вступления в войну [Nish 1966]. Кроме того, опасаясь, что в результате политических действий локальный конфликт на периферии может перерасти в большую войну в Европе, правительства Великобритании и Франции начали политическое сближение, их представители урегулировали колониальные споры и подписали в 1904 году англо-французское соглашение [Hildebrand 2005: 29, 40].

Наиболее пострадавшей от таких политических изменений европейской державой оказалась Германия, так как теперь она не только противостояла франко-русскому союзу, существовавшему с 1892 года, но также оказалась под угрозой окружения Францией, Россией и Великобританией в качестве третьей державы. «Кошмар коалиций», которого страшился Отто фон Бисмарк (1815–1898)²⁴, воплотился в жизнь; поэтому во время Русско-японской войны немецкое правительство пыталось вбить клин между Россией и Францией. Несмотря на ока-

²⁴ Одна из лучших биографий, описывающих этот основной страх немецкого канцлера, см. [Schmidt 2004].

занное ею влияние на политику и военное планирование Германии, эта война не стала частью коллективной памяти немцев [Ebersprae-cher 2007: 290]. Однако Отте прав, когда пишет следующее: «Под ударами Мукдена и Цусимы общепринятые нормы старого мира также стали распадаться. Европа отправилась вниз по дороге, ведущей в Сараево» [Otte 2007: 105]. Это явно демонстрируют стратегические планы Германии после 1905 года. План Шлиффена²⁵ – да, он существовал – был продуктом Русско-японской войны, и, следовательно, сражения в Восточной Азии в огромной степени влияли на историю Германии вплоть до начала Первой мировой войны.

В данной книге будут подробно проанализированы глобальные последствия Русско-японской войны. С этой целью я прежде всего представлю обзор военных действий, поскольку многие не знакомы со сражениями и событиями этой войны. Сначала я опишу причины внезапного начала войны, затем представлю обзор ее различных стадий. Будут описаны основные события войны: от неожиданного нападения на русский флот в Порт-Артуре и первого боя на реке Ялу до больших боев при Ляоляне, Мукдене и на Цусиме. Однако я не буду придерживаться строгой хронологии; вместо этого сначала я подробно опишу наземные операции, а затем сфокусируюсь на морских кампаниях с февраля 1904 года по май 1905 года.

В главе третьей я рассмотрю влияние Русско-японской войны на Азию в целом. В ней будет подробно проанализировано влияние войны на японское общество, на «нейтрального» наблюдателя, которым являлся Китай, а также на Корею, ставшую жертвой событий 1904–1905 годов. Наконец, я остановлюсь на последствиях победы Японии для колониального мира Азии, при этом особое внимание я уделю Индии, в которой стимулом для развития идеи индийского национализма и появления во власти таких людей, как Ганди и Неру, возглавивших впоследствии националистическое движение, стало поражение европейской державы от недавно модернизированной азиатской страны.

Поражение, конечно, имело значительные последствия и для России. В главе четвертой я подробно опишу деятельность Акаси в Швеции, чтобы продемонстрировать влияние Русско-японской войны на возникновение в России революционных движений. Также я рассмотрю взаимосвязь между революцией 1905 года и войной: от Кровавого воскресенья 22 января 1905 года до Октябрьского манифеста того же года. Россия – не единственная страна, на которую повлияла эта война, но наличие в 1905 году революционной вспышки говорит о том, что Русско-японская война послужила отправной точкой для развития событий, которые приведут не только к революции 1917 года, но и к разделению мира в период холодной войны. Таким образом, эта война стала переломным моментом для истории России, но тем самым также оказала влияние на мировую историю XX века.

Подобная взаимосвязь наблюдается и между Русско-японской войной и историей США. Рузвельт вызвался быть посредником для установления мира, и японские дипломаты наделись на сильную поддержку США, как об этом говорилось в американских газетах. Однако имперские амбиции и страх перед возрастающим влиянием Японии в Тихоокеанском регионе привели к установлению таких условий мира, которые не выводили Россию из игры в Восточной Азии. Портсмутский мир стал единственным поражением Японии в этой войне, а виновным в этом оказался Рузвельт. Помимо Портсмутского мирного договора факторами охлаждения отношений между США и Японией стали беспорядки среди иммигрантов в США и борьба за проведение политики открытых дверей в Маньчжурии. Следовательно, Русско-японская война стала отправной точкой, определившей развитие отношений между этими странами вплоть до 1941 года.

Особое внимание в книге будет уделено влиянию этой войны на Германию. Как и другие великие державы, Германия отправила военных и морских атташе на Дальний Восток в каче-

²⁵ Подробно о существовании этого военного плана см. в главе пятой.

стве наблюдателей²⁶. Политики во главе с канцлером Бернардом фон Бюловом (1849–1929) и императором Вильгельмом II (1888–1918) признали угрозу окружения Германии вследствие создания Антанты и стали стремиться к союзу с Россией. Кроме того, победы Японии произвели яркое впечатление на военных стратегов. Поскольку признаком мужской доблести и чести считалось генеральное наступление, представления о слабости России казались закономерными и поэтому легли в основу плана Шлиффена. В книге будет подробно изучено как политическое, так и военное влияние Русско-японской войны, с использованием большей частью неопубликованных архивных материалов из Федерального архива (Bundesarchiv) в Берлине и Военного архива (Militärarchiv) во Фрайбурге, а также политических документов и писем из Министерства иностранных дел Германии (Auswärtiges Amt)²⁷. Когда в 1914 году началась Первая мировая война, сделанные ранее выводы повредили Германии. Россия оказалась не такой слабой, какой она была в 1905 году, но в «Deutsche Zeitung» от 4 ноября 1914 года читателям напоминали о том, что «русский каток» можно победить: «...как никогда нам важно сейчас вспомнить о событиях Русско-японской войны, в особенности потому, что сейчас обе эти страны бросили нам перчатки»²⁸. Таким образом, Русско-японская война оказала огромное влияние также на историю Германии в XX веке.

В этом исследовании будет последовательно представлена общая оценка влияния Русско-японской войны на центры региона, где она происходила, то есть на Восточную Азию; на колониальный мир, а именно Индию; на европейскую сторону конфликта – царскую Россию; на занимающие положение посредника США и, в частности, Теодора Рузвельта; а также на нейтральных наблюдателей в Берлине, на которых события на мировой периферии оказали огромное влияние в политической и военной сфере.

²⁶ О роли военных атташе во время войны см. [Hitsman, Morton 1970: 82].

²⁷ См. ГР. Я буду указывать номера отдельных документов. Их можно найти в томах 19.1 и 19.2, посвященных Русско-японской войне.

²⁸ Deutsche Zeitung, № 561. 04.11.1914. BArch R8034-H/8171.

2. Русско-японская война на суше и на море

Ян Ниш точно описал причину начала Русско-японской войны: «...[ее] истоки лежали в двух слабых странах: Китае и Корее» [Nish 2005a: 45]. Это, по сути, была «преимущественно империалистическая война» [Goldfrank 2005: 88], поскольку к столкновению в Восточной Азии привели в большей степени экспансионистские цели. Когда начались бои за влияние в Корее и Маньчжурии, невозможно было предсказать, насколько значительны окажутся последствия этой войны [Steinberg 2005: 105]. Однако ее глубинные причины кроются в более ранней истории взаимоотношений между двумя странами. Майкл Р. Ослин, определяя геополитические и стратегические корни конфликта между Россией и Японией, обращается к 1792 году [Auslin 2005: 3]. В конце XVIII века Российская империя впервые попыталась установить торговые отношения с сёгуном Токугава. В ответ на амбиции российского правительства в 1802 году Япония усилила контроль над Хоккайдо. Это привело к повторным попыткам России установить торговые отношения в 1804 и 1813–1821 годах²⁹.

Во второй половине XIX века, в особенности после поражения России в Крымской войне (1853–1856), российские правители – в частности, Николай II (1868–1918) после 1894 года – изменили приоритеты во внешней политике, обратив более пристальное внимание на Дальний Восток [Snow 1998: 44]. В 1853 году российские войска заняли Сахалин, а мореплаватель и дипломат Е. В. Путятин (1804–1883) впервые достиг берегов Японии всего за месяц до commodora Мэттью К. Перри (1794–1858). 2 февраля 1855 года был заключен первый договор между двумя странами. Конечно, договор был на неравных условиях. Амбиции России в Азии также иллюстрирует экспансия в Амурском регионе, которой руководил Н. Н. Муравьев (1809–1881). В 1861 году Россия также пыталась аннексировать остров Цусиму, чему с трудом помешало вмешательство Великобритании, но это явно продемонстрировало угрозу жизненно важным интересам Японии в регионе [Auslin 2005: 13–14]. В 1875 году Япония и Россия договорились о том, что Россия получает Сахалин и в обмен передает Японской империи Курильские острова. Хотя японское правительство уже обсуждало в 1873 году захват Кореи [Jacob 20146: 17–24], действий против своего соседа Япония не предпринимала до 1876 года, когда был подписан Канагавский договор, открывший для нее возможность внешней торговли. Японское правительство быстро разобралось в методах западного империализма и, переняв их, вынудило другую азиатскую страну подписать с собой неравное соглашение.

Однако угроза со стороны России не исчезла. В конце 1880-х годов в России обсуждались планы по строительству Транссибирской магистрали, а в 1891 году ее строительство было начато, что поставило под прямую угрозу интересы Японии в континентальной Азии, поскольку магистраль позволила бы перебрасывать людей и материалы в азиатскую часть России [Cloman 1906: 53]. В это время в Японии проходил процесс быстрой модернизации, поэтому благодаря Реставрации Мэйдзи³⁰ у нее тоже появились ресурсы для экспансии. Японо-китайская война 1894–1895 годов, ставшая «водоразделом в истории Азии и во всемирной истории» [Auslin 2005: 20], показала военное превосходство Японии над Китаем. Согласно Симоносекскому договору 1895 года Китай передал Японии Ляодунский полуостров и был обязан выплатить значительную контрибуцию. Приобретение Ляодунского полуострова позволило бы Японии расположить укрепления в континентальной Азии, при помощи которых она могла бы с легкостью угрожать Китайской империи в дальнейшем. Россия была против этого и при поддержке Франции и Германии вмешалась посредством Тройственной интервен-

²⁹ Подробное исследование попыток России установить торговые отношения с Японией см. в [Zadornov, Shoji 1977–1982].

³⁰ Подробный анализ внешней политики Мэйдзи см. в [Wagner 1990].

ции 23 апреля 1895 года³¹. Власти Японии стремились получить в свое владение Порт-Артур [Lone 1994: 173–175], но под международным давлением и после внутренних обсуждений они пришли к выводу, что неспособны противостоять союзу нескольких западных великих держав. Япония оказалась в изоляции и признала этот факт, однако опыт Тройственной интервенции положил начало будущей конфронтации с Россией³².

Деньги, полученные японским правительством от Китая, были инвестированы в вооружение, расходы на которое увеличились с 49,2 % государственного бюджета до 81,8 % в 1904 году [Kreiner 2005:57]³³. Россия, со своей стороны, использовала Тройственную интервенцию и поражение Китая для укрепления своего влияния в регионе. Министр финансов С. Ю. Витте (1849–1915) [Wcislo 2011] предположил, что поддержка Китая в борьбе с Японией поможет установить дружественные отношения между Китаем и Российской империей [Schimmelpenninck van der Oye 2005: 29]. Россия передала Китаю французские займы, а для уплаты контрибуции Японии был учрежден Русско-Китайский банк. В ответ на это Китай позволил построить Транссибирскую магистраль напрямую по китайской территории в Маньчжурии. В 1896 году между Китаем и Россией было подписано секретное соглашение о взаимопомощи при возможном будущем нападении Японии. В дополнение к Транссибирской магистрали были построены Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), соединяющая Харбин и Владивосток, а также Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД), соединяющая Харбин и Порт-Артур. Император Николай II хотел создать в Азии империю, покрывающую территорию от пролива Дарданеллы до Кореи. Когда Германия присоединилась к борьбе за Китай, заняв бухту Цзяочжоувань в провинции Шаньдун и потребовав для себя особых прав в этой провинции, Россия, также из-за империалистических амбиций, в 1898 году арендовала у китайского правительства Порт-Артур. Таким образом, Россия стала пожирать плоды победы, украденной у Японии тремя годами ранее. Кроме того, Российская империя получила в пользование гавань Порт-Артура, несмотря на ее стратегические недостатки, для будущей экспансии в регионе [Schimmelpenninck van der Oye 2005: 23–32; Sisemore 2003: 5–6]³⁴.

Вскоре представился шанс для подобной рискованной затеи. В качестве реакции на Боксерское восстание (1899–1901) была осуществлена интервенция международных сил, и Россия воспользовалась возможностью захватить Маньчжурию с севера. Несмотря на то что российское правительство сначала колебалось, оно все же решило не упускать шанс на расширение своих владений в Китае, воспользовавшись боксерским движением в качестве предлога. 8 апреля 1902 года был подписан Пекинский договор, по которому Россия должна была отвести войска в три этапа в течение 18 месяцев. Однако была выполнена только первая фаза, в ходе которой 8 октября 1902 года войска были выведены из Мукдена, но на следующий год он был снова оккупирован. Вторая фаза в апреле 1903 года и третья в октябре 1903 года осуществлены не были. Российское правительство ответило на международные протесты утверждением, что отношения между Россией и Китаем являются двусторонними и эксклюзивными, а дальнейшая судьба Маньчжурии будет обсуждаться только с представителями Китая [Goldfrank 2005: 91; Nish 2005a: 51; Schimmelpenninck van der Oye 2005: 38]. В результате Российская империя изолировала себя, тогда как Япония предпринимала дипломатические шаги во избежание международной интервенции против ее будущих амбиций в Восточной Азии: цель англо-япон-

³¹ Тройственная интервенция обычно характеризуется как отправная точка для событий, приведших к внезапному началу Русско-японской войны. См. [Kurosawa 2014].

³² См. [Auslin 2005:21; Der Russisch-Japanische Krieg 1904:2; Nish 1985:28; Schimmelpenninck van der Oye 2005: 26].

³³ См. также [Pinon 1905:295]. Япония вложила средства в строительство новых военных кораблей, шесть из которых были куплены у Великобритании. См. [Sisemore 2003: 9].

³⁴ О стратегических недостатках см. [Menning 2005: 138].

ского союза 1902 года состояла в том, чтобы предотвратить международное вмешательство и сделать посильной будущую войну с Россией [Kennedy 1924: 300–301]³⁵.

Британские военные, в том числе Ян Гамильтон (1853–1947), опасались вступления в союз с Японией, который мог втянуть Великобританию в войну с Россией, защищенной франко-русским договором 1892 года [Chapman 2004: 20–21; Ferguson 2010: 523]. Следовательно, англо-японский союз заключался «в очень нелегкое время» [Ferguson 2010: 524]. Но были и такие люди, как Клод Макдональд, которые видели опыт японских солдат во время Боксерского восстания и были рады совместным операциям с новым союзником [McDonald 1900: 2–20]. Несмотря на реакцию британцев, Русско-японская война и победа Японии стали возможны «отчасти благодаря участию Великобритании» [Towle 1980a: 44]. Японские военные корабли были построены в Великобритании; кроме того, она предоставляла займы для помощи в финансировании кампаний. Несмотря на поддержку Великобритании, когда в 1904 году началась война, мало кто верил в победу Японии, в том числе не верил в нее и премьер-министр Артур Джеймс Бальфур (1848–1930) [Chapman 2004: 21–22]. Он был не одинок в своих ожиданиях – ведь многие, в том числе российское правительство, не верили, что «русский каток» может проиграть в войне, в особенности такой маленькой державе, как Япония [Brooke 1905: 36; Falls 1967: 172; Ferguson 2010: 525]. Однако раздавались и голоса тех, кто замечал преимущества вооруженных сил Японии, подготовка офицеров и солдат в которых догоняла западные стандарты быстрыми темпами³⁶. Гамильтон сравнивал японских солдат с гуркхами в Британской Индийской армии, но японцев он называл «более развитыми и цивилизованными» [Гамильтон 2000: 10]. Впоследствии война покажет, что офицеры Императорской армии Японии были подготовлены и образованы лучше, чем их русские противники³⁷, но до войны в западном мире господствовали культурный снобизм и расистское невежество.

Министерство иностранных дел Великобритании поддерживало Японию во время войны и стремилось к локализации конфликта в Восточной Азии, не допуская его развития в конфликт мирового масштаба с Россией и Францией, с одной стороны, и Японией, Великобританией и США – с другой [Otte 2007: 96]. Японское правительство понимало эти намерения, поэтому премьер-министр Японии Кацура Таро (1848–1913) стремился к сближению с Лондоном [Tokutomi 1917: 1055–1057]. Государственный деятель (гэнро) Ямагата Аритомо (1838–1922) также поддерживал идею создания этого союза, поскольку он обеспечил бы локализацию конфликта между Россией и Японией в Маньчжурии [Оуаша 1966: 196–197]³⁸. Пожалуй, единственным противником этой идеи был бывший премьер-министр Ито Хиробуми (1841–1909), поскольку он выступал за мирное урегулирование конфликта с Россией [Нага 1981: 6; Matsumoto 1914: 657]. Столкновение казалось неизбежным, несмотря на переговоры с российским правительством, – поскольку Японии требовалось обеспечить безопасность в Корее, что стало как никогда сложно реализовать из-за усиления российского контроля в Маньчжурии, хотя военные и правительство в Санкт-Петербурге и не могли достичь полного взаимопонимания в отношении планов по поводу этих северо-восточных частей Китая [Nish 2005a: 55; Schimmelpennick van der Oye 2005: 34–37].

Когда 12 августа 1903 года наместником на Дальнем Востоке был назначен Е. И. Алексеев (1843–1917), российский император «передал всю власть, касающуюся военной

³⁵ Лансдаун Эдварду VII, 18.04.1904, маркиз Лансдаун, FO 800/134. Цит. по: [Otte 2007: 94].

³⁶ Британский министр в Пекине сэр Эрнест Сэтоу – адмиралу сэру Сиприану Бриджу, главнокомандующему. Станция Китай, 25.02.1904. Bridge Papers BRI/17, National Maritime Museum, Greenwich. Цит. по: [Ferguson 2010: 525]; Капитан В. С. Блэк. Комментарии к докладу полковника Черчилля, 02.06.1903. DAQMG, WO 106/48, The National Archive. Цит. по: [Ferguson 2010: 526]; Гамильтон – леди Гамильтон, 28.03.1904. Hamilton Papers 3/2/3. Liddell Hart Centre for Military Archives, King's College, London. Цит. по: [Ferguson 2010: 527].

³⁷ Russische Konserven *И* Schlessische Zeitung, № 813, 18.11.1904. BArch R 8034-H/8170, 11.

³⁸ Министр иностранных дел Комура Дзютаро (1855–1911) также разделял это мнение. См. [Honda 1941: 246–263].

политики и дипломатии в Тихоокеанском регионе, в руки главного противника компромиссов» [Schimmelpennick van der Oye 2005: 39]. Несмотря на то что Япония подавала агрессивные сигналы, до 1903 года она пыталась вести с Россией переговоры. Но российский император и его правительство не воспринимали Японию в этой ситуации как равную, отвечали на ее запросы и ноты с задержкой и просто проигнорировали угрозу, поэтому 4 февраля 1904 года правительство Японии официально решило объявить России войну³⁹. Это решение подкреплялось растущим страхом перед российской империалистической политикой по отношению к Корее, которому способствовала группа политических авантюристов и противников компромиссов – «безобразовская клика». С 1898 года в районе вдоль реки Ялу на границе с Кореей группа под руководством друга императора А. М. Безобразова (1853–1931)⁴⁰ приобретала концессии на эксплуатацию леса площадью 5000 квадратных километров. Спустя пять лет Безобразов начал вырубку леса. Он также хотел построить железную дорогу до Сеула. Эти действия мгновенно привели к усилению антагонизма между Японией и Россией, а небольшой спор на севере Кореи способствовал росту влияния партии войны в Японии⁴¹. В декабре 1903 года военная делегация Германии в Китае составила доклад о плацдарме России в Корее, в котором было сказано следующее: «...говорят, что Россия покупает новые территории вокруг арендованной земли и действует достаточно агрессивно. Они ведут себя на левом берегу Ялу как хозяева»⁴². Если Витте и министр иностранных дел В. Н. Дамсдорф (1845–1907) старались избегать конфликтов в Корее, то император поддерживал Безобразова и его амбициозные планы. Так продолжалось до марта 1903 года, когда два министра уговорили Николая II отозвать авантюриста от корейской границы. Но нанесенный ущерб уже невозможно было исправить [Lukoianov 2005: 79–83]. Корея ответила России отказом на требование территории, но «русские проигнорировали законы, пересекли границу и начали строить здания, крепости, казармы и военные сооружения, в том числе телеграфные линии» [Nish 2005a: 57], и эти действия стали прямой угрозой для Японии.

Однако император и Алексеев не были способны или не хотели признать опасность, они даже не пытались вести переговоры с Японией, чтобы смягчить нарастающую враждебность. Японская идея обмена сферами влияния в Корее и Маньчжурии (Man-Kan kokan), многократно предлагавшаяся начиная с 1896 года, даже не рассматривалась [Schimmelpennick van der Oye 2005: 39–40]. В то время как Россия рассматривала Корею как территорию с возможностью выхода к более теплым водам, Японией Корейский полуостров воспринимался как эксклюзивная сфера влияния, которая могла бы обеспечить геостратегическую безопасность, экономический рост (с учетом экспорта в будущем) и пространство для эмигрантов, направляющихся в континентальную Азию [Der Russisch-Japanische Krieg 1904: 1]. Россия в 1901 году полностью проигнорировала предложение об разделе сфер влияния, с которым Ито приезжал в Санкт-Петербург, и оставалась непреклонна до самого начала войны в 1904 году⁴³.

Ситуация в Маньчжурии повлияла на действия США, которые предпочитали вести в регионе политику открытых дверей. Это уверило Японию в том, что США не будет вмешиваться в войну с Россией. Немецкий посол в Санкт-Петербурге Фридрих Иоганн фон Альвенслебен (1836–1913) уже в декабре был проинформирован японским военным атташе о том, что Япония намерена перемещать войска в Корею, чтобы атаковать Россию на континенте⁴⁴, но российский император и наместник Алексеев не признавали угрозу, несмотря на то что пра-

³⁹ Подробный отчет о переговорах см. в [Teramoto 2008: 33–34].

⁴⁰ Его биографию см. в [Lukoianov 2005: 67–68].

⁴¹ См. [Lukoianov 2005: 70–71; Nish 2005a: 46, 57; Schimmelpennick van der Oye 2005: 38; Teramoto 2008: 30].

⁴² Военный доклад № 45 посольства Германии в Китае, Пекин, 11.12.1903. BArch MArch RM 5/5763.

⁴³ Исследование переговоров с точки зрения Японии см. в [Asakawa 1904: 294–348]. Работы японских авторов о переговорах и идее обмена см. в [Chiba 1996: 289–321].

⁴⁴ Посол в России фон Альвенслебен канцлеру фон Бюлову. Санкт-Петербург, 24.12.1903. BArch MArch RM 5/5763.

вительство Японии неофициально приняло резолюцию, согласно которой решения корейского вопроса было бы достаточно для отказа от войны [Kato 2007:101]. В случае отказа России от решения этого вопроса Япония собиралась начать войну как можно скорее, поскольку считалось, что лучшим временем для начала кампании была бы весна⁴⁵. Военный атташе Германии в Токио Гюнтер фон Этцель (1862–1948) в докладе в ноябре 1903 года говорит о том, что время идет и японские военные начинают нервничать: «Настроение понятно, поскольку в японском офицерском корпусе осознают, что баланс военных сил может сместиться и Япония потеряет преимущество, если переговоры затянутся. Россия значительно увеличила свое военное присутствие за 8 месяцев кризиса»⁴⁶. В феврале 1904 года Япония наконец разорвала дипломатические отношения с Россией и ее посол покинул Санкт-Петербург. В тот же день флот под командой адмирала Того Хэйхатиро (1848–1934) покинул Сасебо, чтобы начать войну, которая представлялась для Японии неизбежной.

Атака Японии на российский флот в Порт-Артуре шокировала правительство и общественность Российской империи и ударила по боевому духу солдат и моряков ее военно-морских сил. Это было начало войны, в которой «мечты России о судьбах Азии превратились в кошмар военного поражения и революции» [Schimmelpennick van der Oye 2005: 26]. С самого начала стало понятно, что война будет состоять из совместных операций на суше и на море, поскольку Япония переместила войска и ресурсы с островов на поля сражений на континенте. Военные стратеги стран Восточной Азии отдавали предпочтение идее превентивной атаки, дававшей преимущество на начальной фазе войны [Spanse 2004: 9-10]. Во всем мире атака на Порт-Артур рассматривалась как «вопрос тактической смекалки» [Bellivaire 2007: 129], тем более что Россия упорно отказывалась принимать предложения Японии по мирному урегулированию конфликта и не хотела пересматривать свою позицию касательно политики открытых дверей в Маньчжурии. С началом войны в обеих странах появились патриотическая поддержка и волны национализма, поскольку провоенные лоббисты навязывали простым людям положительное восприятие славной войны [Bartlett 2008:8; Shimazu 2008: 36–37]. Сакураи описывает чувства простых солдат во время мобилизации: «При этом известии мы, японские солдаты, возликовали: наконец, настала так долго ожидаемая минута отмщения. <...> Мы ждали приказа о нашей мобилизации с трепетной надеждой, как землелашец ждет благодатного дождя во время засухи» [Сакураи 1909: 8–9].

Действия Японии противоречили существовавшему международному праву, поскольку она начала войну без предупреждения, кроме того, ею был нарушен нейтралитет Кореи. Однако международное сообщество это проигнорировало, главным образом потому, что Великобритания и США были на стороне слабой Японии [Howland 2011: 59–65]⁴⁷. В среде японской интеллигенции эти действия признавали правильными, поскольку Россия отказалась следовать международному праву, не желая выводить войска из Маньчжурии, тем самым заявив о непризнании политики открытых дверей в регионе, о которой договорилось мировое сообщество во главе с США и Великобританией [Kato 2005:34–75; Окамото 2003: 612–627]. Такой взгляд был полностью принят великими державами, которые официально легитимизировали действия Японии [Rey 1906:]. Критические комментарии, как, например, опубликованные в «Münchener Neueste Nachrichten» в Баварии (Германия), выглядели неубедительно:

Начав войну, Япония утверждает, что была вынуждена прибегнуть к незаконным действиям. Но вина внезапного начала войны лежит только на ней

⁴⁵ Военный атташе Германии в Токио Гюнтер фон Этцель (1862–1948), военное донесение № 69/03, Токио, 26.11.1903. ВArch MArch RM 5/5763; Срочный доклад: Даст ли Японии преимущество начало войны зимой. Берлин, 05.12.1903. ВArch MArch RM 5/5763.

⁴⁶ Военный атташе Германии в Токио Гюнтер фон Этцель, военное донесение № 69/03, Токио, 26.11.1903. ВArch MArch RM 5/5763.

⁴⁷ О проблеме нейтралитета Кореи во время войны см. [Sunhan 2005].

одной, и как следствие Россия не должна опускать оружия, пока Япония не искупит вину за свои – на наш взгляд – возмутительные действия⁴⁸.

Вне зависимости от того, чей взгляд казался публике более убедительным, несколько недель после неожиданной атаки прошли довольно спокойно. Гюнтер фон Этцель доложил о японской мобилизации и дальнейших приготовлениях к войне в середине марта 1904 года:

Мобилизация и транспортировка по железной дороге и по морю идут непрерывно, но поразительно медленно. <...> Возможно, японцы все еще не могут поверить в свое господство в море; кроме того, обледенение берега в Маньчжурии не позволяет еще провести наземные операции в выбранных для них местах; наконец, необходимо доставить большое количество ресурсов и амуниции на материк до переброски войск⁴⁹.

В то же время немецкий атташе добавил:

Японцы радостно ожидают предстоящих событий, с внешним спокойствием и крепкой верой в превосходство своего оружия на земле. Они определенно знакомы с текущим положением дел русской стороны и, кажется, уверены в безоговорочном поражении русских. <...> Японцы обладают значительным преимуществом перед русскими, а именно безупречной организацией линий снабжения. Все подготовлено идеально⁵⁰.

Тем временем Китай объявил о своем нейтралитете [Guodong 2014: 15–36], однако впоследствии препятствовал попыткам японцев воспользоваться Амоем в качестве военно-морской базы против России, которая была необходима Японии для поддержания господства в море до организации надежной линии морских поставок⁵¹. Несмотря на нейтралитет Китая – очевидно, исключая Маньчжурию, на территории которой происходили сражения, – его население было сильно вовлечено в войну, так как Япония и Россия использовали китайцев в зоне военных действий в качестве шпионов [Wolff 2005: 327–328]. Сама война состояла как из наземных, так и из морских сражений, что создавало воюющим странам проблемы сразу по нескольким направлениям. Однако казалось, что политические и военные лидеры России проигнорировали значение этого конфликта и недооценили требуемый объем подготовки к нему, что вызвало обвинения в излишней самоуверенности⁵².

Командование в Маньчжурии принял А. Н. Куропаткин (1848–1925). До войны он выступал против «безобразовской клики», а после начала боевых действий выбрал скорее оборонительную тактику борьбы с японцами. Алексеев же намеревался защищать Порт-Артур и продолжать обороняться в море [Семёнов 2008: 52; Steinberg 2005: ПО]. Однако Куропаткин помнил о том, что русской армии потребуется от пяти до семи месяцев на полное развертывание сил на полях сражений Восточной Азии, поскольку Транссибирская магистраль была однокорейной, кроме того, войскам предстояло преодолевать Байкал [Der Rus-sisch-Japanische Krieg 1904:64]⁵³. Русский адмирал высказал ту же обеспокоенность морскому атташе Паулю Хинце (1864–1941):

⁴⁸ Der japanisch-russische Krieg II Miinchner Neueste Nachrichten, 23.10.1904. В Arch R 8034-11/8170.

⁴⁹ Военный атташе Гюнтер фон Этцель императорскому военному министру, Берлин. Донесение № 23/04, Токио, 17.03.1904. ВArch MArch RM 5/5766.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Посол Китая в Берлине Иньчан статс-секретарю Министерства иностранных дел Фрайхерру фон Рихтхофену. Берлин, 13.02.1904. ВArch MArch RM 5/5774; Императорское посольство Германии в Китае канцлеру фон Бюлову. Пекин, 31.05.1904. ВArch MArch RM 5/5774.

⁵² Tagliche Rundschau. № 393. 23.08.1904. ВArch R 8034-11/8170.

⁵³ См. также [Goltz 1906: 192; Menning 2005: 145; Military Correspondent 1905: 89–90].

Думаю о проблеме снабжения армии из 300 000 человек в Маньчжурии при помощи однопутной железной дороги. Из расчета один вагон на 1000 человек в день для снабжения провизией потребуется 300 вагонов или 10 поездов в день. И это не считая фуража для лошадей, амуниции и других необходимых вещей⁵⁴

⁵⁴ Морской атташе скандинавских стран Хинце статс-секретарю военно-морского ведомства Германии. Берлин, Санкт-Петербург, 20.06.1904. ВArch MArch RM 5/5776.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.